

Электронные лекции по дисциплине специализации
«Думская монархия в России в начале XX в.:
истоки российского парламентаризма»
для студентов специальности
1-21 03 01-01 «История отечественная и всеобщая»
4 курс 1 семестр

Лекция 2. Политическая модернизация начала XX века как переход России к демократии

План:

1. Историография, посвященная Государственной Думе в России
2. Источниковая база для исследования Государственной Думы в России
3. Попытка перехода России к демократии в начале XX века.
4. Начало государственно-правовой модернизации России.

1. Историография, посвященная Государственной Думе в России

В дореволюционной историографии посвященной Государственной Думе в России преобладают исследования партийно-публицистической направленности: либеральной (А.И. Каминка, В.Д. Набоков, П.Н. Милуков, В.А. Маклаков), народнической (Т.В. Локоть, С. Бондарев, В. Субботин), меньшевистской (А. Зурабов), большевистской (В.И. Ленин). Работы этих и других авторов не могут претендовать на серьезный научный анализ проблемы, но их партийно-публицистический или полумемуарный характер позволяет отнести данные публикации к числу важнейших источников по истории Государственной думы.

Повышенный интерес у современников вызывали сюжеты, связанные с историей двух первых созывов Думы, социальным обликом депутатского корпуса, законодательной деятельностью, практиками парламентского поведения партийных фракций и отдельных депутатов. В целом литература дореволюционного периода составила первичную историографическую базу, в рамках которой были намечены подходы к изучению парламентской истории России, выявлены ее основные проблемы и сюжеты. Вместе с тем, обращает на себя внимание явное доминирование в оценках политического процесса реакций погруженных в этот процесс современников, а не научного анализа.

1. Алексеев В.П. Первый русский парламент. - М., 1906.
2. Б-ов [Богданов М.], Дан Ф. Рабочие депутаты в Первой Государственной думе. - СПб., [1907].
3. Богораз В.Г. [Богораз-Тан В.Г.] Мужики в Государственной думе. - М., 1907.
4. Брамсон Л.М. К истории трудовой партии. Трудовая группа Первой Государственной Думы. - Пг., 1917.

5. Варшавский С. Жизнь и труды первой Государственной Думы. – М., 1907.
6. Васильев Н.П. Вторая Государственная Дума. - СПб., 1907.
7. Герье В.И. Первая русская Государственная Дума. Политические воззрения и тактика ее членов. - М., 1906.
8. Герье В.И. Вторая Государственная Дума. - М., 1907.
9. Гессен В. Тактика партий в первой Государственной Думе // Русская мысль. - 1907. - №2. - С. 124-152.
10. Езерский Н.Ф. Государственная Дума первого созыва. - Пенза, 1907
11. Залевский К. Польские буржуазные партии и Польское коло во II Государственной Думе // Образование. - 1907. - № 6. - С. 23-37.
12. Изгоев А.С. Партии во второй Государственной Думе. - СПб., 1907;
13. Каминка А.И., Набоков В.Д. Вторая Государственная Дума. - СПб., 1907;
14. Локоть Т.В. Политические партии и группы в Государственной Думе: Характер и причины политического бессилия Первой Думы. Возможный характер и задачи Второй Думы. - М., 1907.
15. Маслов С.Л. Земельный вопрос и партии во Второй Государственной Думе.- М., 1917.
16. Никитин К., Степанов И. Деятельность Второй Государственной Думы. - М., 1907
17. Цитран А. 72 дня первого русского парламента.- СПб., 1906.
18. Цитран А. 103 дня Второй Думы. - СПб., 1907.

В советской историографии, отводившей решающую роль в политической жизни страны большевистской партии, основной акцент делался на законотворческом бессилии Думы. Подобное отношение большевиков к парламентским институтам предопределило судьбу Государственной Думы в советской историографии на весьма длительный период. Первые научные исследования по истории Государственной Думы, выполненные в рамках марксистской методологии, были опубликованы выпускниками специального семинара молодых ученых в Институте красной профессуры под руководством М.Н. Покровского М. Корбутом, А. Слепковым, А. Станчинским, С. Томсинским в 1923-1925 гг. В работах этих авторов наметилось то предметное поле, которое преимущественно будет осваивать советская историография: избирательные кампании, думская тактика большевиков, политическое выражение классовых интересов и противоречий в Государственной Думе.

Всплеск интереса к думской проблематике наметился в связи с проведением в 1937 г. первых всеобщих выборов и началом деятельности Верховного Совета СССР. «Победа советской демократии» актуализировала появление работ, посвященных критической оценке «буржуазного парламентаризма» в целом и избирательной системы Российской империи в частности. Заметной вехой в изучении политической истории начала XX в. стала изданная в 1939 г. монография Е.Д. Черменского «Буржуазия и царизм

в революции 1905–1907 гг.». В ней впервые в советской историографии были широко использованы стенографические отчеты заседаний Государственной Думы и периодическая печать того времени. В концептуальном плане Е.Д. Черменский не вышел за пределы прокрустова ложа «Краткого курса», но он снял запрет с сюжетов по парламентской истории.

На рубеже 1950-х – 1960-х гг. в условиях хрущевской оттепели в исследованиях по истории Государственной Думы наметились качественные изменения. Сборник документов, составленный Ф.И. Калинычевым, монография о Думе первого созыва С.М. Сидельникова хотя и сохранили обличающий и критический тон, но они отличались от работ прежних лет более широким подходом к изучению Думы как политического института.

Наметившаяся тенденция к комплексному анализу Государственной Думы как политического института привела к тому, что со второй половины 1960-х гг. российские историки приступили к углубленному изучению эволюции политической системы, всей совокупности политических отношений в Российской империи начала XX в. Наряду с традиционными исследованиями, посвященными думской тактике большевиков, увидели свет фундаментальные работы ведущих специалистов в области политической истории России того периода, в которых проблематика российской парламентской истории приобретала самостоятельное звучание (Аврех А.Я., Ганелин Р.Ш., Давидович А.М., Дякин В.С., Ерошкин Н.П., Соловьев Ю.Б., Старцев В.И., Тютюкин С.В., Черменский Е.Д.).

Общей направленностью советской историографии этого периода было определение сложившейся в результате первой российской революции политической системы как третьеиюньской, которая характеризовалась вслед за В.И. Лениным как второй шаг по пути превращения самодержавия в буржуазную монархию.

Вместе с тем в исторической литературе того времени можно выделить три подхода к трактовке политического содержания третьеиюньской монархии. В рамках одного из подходов утверждалось, что 1) Основные государственные законы 1906 г. ограничили власть монарха формально, только на бумаге (Н.П. Ерошкин, С.М. Сидельников). 2) Другой подход был представлен в работах Е.Д. Черменского, полагавшего, что нельзя дать однозначный ответ на вопрос: сохранился ли абсолютизм в России после 1905 г. или она перешла к конституционной форме правления, не соглашаясь при этом со сторонниками признания только формального ограничения власти императора в России. 3) Завершенная формулировка базового тезиса, выдвинутого в рамках третьего подхода, принадлежит В.С. Дякину. Он определил третьеиюньскую систему как политическую систему дуалистической монархии, «государственно-правовая конструкция» которой была создана Основными законами 1906 г.

Таким образом, в работах советских историков второй половины 1960-х – рубежа 1980-х и 1990-х гг. место Государственной Думы и Государственного Совета в политической системе России начала XX в., их участие в процессе принятия государственных решений рассматривалось на

основе относительно широкого круга источников, в котором базовыми становятся стенографические отчеты заседаний представительных учреждений. Несмотря на господство марксистско-ленинской методологии, в исторической литературе той поры закрепились термины парламентаризм, парламент, расширяется перечень отдельных аспектов «парламентской» проблематики, которые признавались приемлемыми предметами изучения. Результаты исследований, прежде всего А.Я. Авреха, Р.Ш. Ганелина, В.С. Дякина, С.В. Тютюкина, В.В. Шелохаева, создавали фундамент для становления парламентской истории России как самостоятельного научного направления.

1. Аврех А.Я. Царизм и третьеиюньская система. - М., 1966.
2. Аврех А.Я. Столыпин и Третья Дума. - М., 1968.
3. Аврех А.Я. Царизм и Четвертая Дума (1912-1914 гг.). - М., 1981.
4. Аврех А.Я. Распад третьеиюньской системы. - М., 1985.
5. Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. - М., 1989.
6. Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 г.: Реформы и революция. - СПб., 1991.
7. Давидович А.М. Самодержавие в эпоху империализма (классовая сущность и эволюция абсолютизма в России). - М., 1975.
8. Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914-1917). Л., 1967.
9. Дякин В.С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907-1911 гг. - Л., 1978.
10. Дякин В.С. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911-1914 гг. - Л., 1988.
11. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. - М., 1983.
12. Калинычев Ф.И. Государственная дума в России: Сб. документов и материалов. - М., 1957.
13. Корбут М.А. Рабочее законодательство третьей Государственной Думы. - Казань, 1925.
14. Кризис самодержавия в России. 1895-1917. - Л., 1984.
15. Сидельников С.М. Образование и деятельность первой Государственной Думы. - М., 1962,
16. Слепков А. Классовые противоречия в 1-й Государственной думе. - Пг., 1923.
17. Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в 1902-1907 гг. - Л., 1981.
18. Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в 1907-1914 гг. - Л., 1990.
19. Станчинский А. Булыгинская дума // Пролетарская революция. - 1925. - №9. - С.9.
20. Старцев В.И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905-1917 гг. (Борьба вокруг «ответственного министерства» и «правительства доверия»). - Л., 1977;
21. Томсинский С.Г. Борьба классов и партий в 1-й Государственной думе. - Ростов-н/Д, 1924;

22. Томсинский С.Г. Борьба классов и партий во второй Государственной думе. - М., 1924.
23. Тютюкин С.В. Июльский политический кризис 1906 г. в России. - М., 1991;
24. Черменский Е.Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. - М., 1976.

К характерным чертам современной историографии парламентской истории начала XX в. отнесены плюралистичность методологических парадигм, используемых для объяснения направленности политического процесса в тогдашней России, и более широкое применение междисциплинарных исследовательских практик.

1. Кирьянов И.К. Провал премьеры либеральной пьесы: Первый опыт российского транзита // ПОЛИС: Политические исследования. - 2005. - № 5. - С. 118-131.
2. Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. - М., 1997.
3. Пивоваров Ю.С. Русская политика в ее историческом и культурном отношении. - М., 2006.
4. Селунская Н., Тоштендаль Р. Зарождение демократической культуры: Россия в начале XX века. - М., 2005.
5. Алескаров Ф.Т. Кравченко А.С. Распределение влияния фракций в Государственных думах Российской империи, 1905-1917 гг. - М., 2005.
6. Кирьянов И.К. Социокультурные факторы политического выбора в России начала XX в. // Круг идей; Историческая информатика в информационном обществе. - М., 2001. С. 39-52.
7. Кирьянов И.К., Корниенко С.И. Количественные методы исследования истории парламентаризма в России начала XX в. // Проблемы методологии и источниковедения / Материалы III Научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. - М., 2006.
8. Рыбка О.Ю. Государственная Дума в системе государственной власти России в начале XX столетия. - М., 2001.

Последние годы отмечены активной публикацией разнообразных источников, появлением солидных энциклопедических изданий:

9. Государственная дума России. 1906-2006. Энциклопедия. Т. 1. Государственная дума Российской империи. 1906-1917. - М., 2006.
10. Государственная дума Российской империи: 1906-1917: Энциклопедия. - М., 2008.
11. Государственный совет Российской империи; 1906-1917: Энциклопедия. - М., 2008.
12. Политические партии России. Конец XIX - первая треть XX века. - Энциклопедия. - М., 1996.

В многочисленных монографиях и статьях парламентские сюжеты рассматриваются как в широком контексте российского политического процесса начала XX в., так и выступают в качестве самостоятельного предмета исследования (очерки истории Государственной Думы, место законодательных палат в политической системе Российской империи и механизмы их деятельности, парламентские фракции и их активность, расширение политического пространства и национально-региональные аспекты функционирования парламентской системы, парламентская деятельность отдельных российских политиков, роль Государственной Думы на начальном этапе революции 1917 г.

В рамках современной историографической ситуации, как и прежде, исследователи разнятся в своих оценках характера политической системы России начала XX в. Одни вслед за Е.Д. Черменским полагают, что «данный вопрос вообще не имеет однозначного решения» (О.Ю. Рыбка), другие утверждают категорически, что в России утвердился режим конституционной монархии (И.А. Исаев). Большинство же современных исследователей, указывая на переходный характер политической системы, предпочитают анализировать конкретное ее содержание в парадигмах либо «второго шага» (Р.Ш. Ганелин, В.В. Лузин), либо дуалистической монархии. Обращает на себя внимание использование историками разнообразных формулировок для определения дуалистической монархии: «конституционная дуалистическая монархия» (В.А. Демин, С.В. Куликов), «система монархического конституционализма» (И.А. Кравец), «думская монархия» (О.Г. Малышева, Р.А. Циунчук, В.В. Шелохаев). Особое место в современном историографическом процессе занимают работы А.Н. Медушевского, анализирующего политическую систему Российской империи начала XX в. исходя из концепции мнимого конституционализма.

1. Анохина З.Н. Уральские депутаты в Государственной думе (1905-1907 гг.). - Челябинск, 2006.
2. Аронов Д.В. Первый спикер: опыт научной биографии Сергея Андреевича Муромцева. - М., 2006.
3. Аронов Д.В. Законодательная деятельность российских либералов...
4. Архипов И.Л. Председатель Государственной думы М.В. Родзянко // Отечественная история. - 2006. - № 3. - С. 114-126.
5. Бородин А.П. Государственный совет России (1906-1917). - Киров, 1999.
6. Братолобова М.В. Казачество и Государственная дума начала XX века // Имперские и национальные модели управления: российский и зарубежный опыт. - М., 2007.
7. Государственная Дума Российской империи: портреты политических лидеров (1906-1917). - М., 2006.
8. Демин В.А. Государственная Дума России (1906-1917): механизм функционирования. - М., 1996.

9. Демин В.А. Верхняя палата Российской империи, 1906-1917. - М., 2006.
10. Дорошенко А.А. Правые в Государственных Думах Российской империи. - Самара, 2004.
11. Кирьянов И.К., Лукьянов М.Н. Парламент самодержавной России: Государственная Дума и ее депутаты, 1906-1917. - Пермь, 1995.
12. Кирьянов И.К. Пермские депутаты Государственной Думы. - Пермь, 2006.
13. Кирьянов И.К. Владимир Митрофанович Пуришкевич: депутат-фракция // Консерватизм: идеи и люди. - Пермь, 1998. С. 105-122.
14. Кирьянов И.К. М.М. Алексеенко - «отец делового парламентаризма» // Власть. - 2009. - № 4. - С. 127-130.
15. Кошкидько В.Г. Представительная власть в России: формирование и функционирование (1905-1917). - М., 2000; 2002.
16. Козбаненко В.А. Партийные фракции в I и II Государственных Думах России. 1906-1907. - М., 1996.
17. Нарский И.В. Русская провинциальная партийность; Политические объединения на Урале до 1917 г.: (К вопросу о демократической традиции в России). - Челябинск, 1995. Ч. 1-2.
18. Николаев А.Б. Государственная дума в Февральской революции: очерки истории. - Рязань, 2002.
19. Николаев А.Б. Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля - 3 марта 1917 года. - СПб., 2005.
20. Медушевский А.Н. Что такое мнимый конституционализм? // Социологические исследования. - 1994. - №2. - С 71-86.
21. Медушевский А.Н. Конституционная монархия в Европе, Японии и России (сравнительное исследование конституционных актов) // Общественные науки и современность. - 19X - №61- С. 71-88.
22. Медушевский А.Н. Теория конституционных циклов. - М., 2005.
23. Усманова Д.М. Мусульманская фракция и проблемы «свободы совести» в Государственной Думе России (1906-1917). - Казань, 1999.
24. Усманова Д.М. Мусульманские представители в российском парламенте. 1906-1916. - Казань, 2005.
25. Циунчук Р.А. Думская модель парламентаризма в Российской империи...
26. Шелахаев В.В. Судьба русского парламентария (Ф.Ф. Кокошкин) // Отечественная история. - 1999. - № 5. - С. 44-73.
27. Юртаева Е.А. Государственный совет в России (1906-1917 гг.). - М., 2001.

Вплоть до современного этапа российская историография парламентской истории России начала XX в. развивалась практически вне связи с еще двумя историографическими потоками - Русского зарубежья и западной русистики, а если и соприкасалась с ними, то представители последних выступали исключительно в качестве «буржуазных фальсификаторов». Специфика историографического процесса, связанного с

рассматриваемой проблематикой, в Русском зарубежье заключалась в том, что он во многом являлся продолжением либерального направления в досоветской России. Русскоязычные статьи и воспоминания преимущественно все тех же авторов публиковались в эмигрантских издательствах и периодической печати (М.М. Винавер, В.А. Маклаков, П.Н. Милюков, П.Б. Струве и др.). В центре внимания оставались примерно те же проблемы, но рассматриваемые теперь уже с учетом горького политического опыта.

Для эмигрантской публицистики первых двух десятилетий характерно выяснение «отношений», поиск «виноватых» и размышления о том, что было сделано неверно. С критикой политической линии кадетов, проводимой в период первого и второго созывов Государственной Думы, милюковского тезиса о «неискренних уступках» старой власти общественным течениям выступил В.А. Маклаков. Им был сформулирован «парадокс», который состоял в том, что в период работы Государственной Думы первого созыва «конституцию» защищало правительство, а «пережитки самодержавия» - Дума. Главный грех Думы первого созыва, полагал В.А. Маклаков, заключался в том, что она «подорвала... мистику конституции». Он утверждал, что кадеты были «во многом повинны в неудаче нашего конституционного опыта». В работах профессиональных историков из эмигрантской среды получило распространение понятие «думская монархия», введенное в 1939 г. С.С. Ольденбургом.

В Европе и Америке изучение эволюции российской политической системы в начале XX в. началось параллельно с самим этим процессом. Иностранные исследователи (Б. Пэйрс, Ф. Ренне, Р. Рекули, Д. Торнгрен, С. Харпер, П. Шаль и др.) анализировали законодательные акты периода реформы государственного строя, формально-правовой статус и политические практики взаимоотношений императора, правительства. Государственной Думы и Государственного Совета, думские избирательные кампании.

Проблеме конституционной модернизации российской монархии посвятил в 1906 г. специальную работу М. Вебер. Анализируя сложившуюся в России систему взаимоотношений в треугольнике «парламент — бюрократия — корона», М. Вебер определил ее как мнимый конституционализм в противоположность английской конституционной системе, поклонником которой он был. Мнимый конституционализм, по мнению немецкого социолога, предполагает «исчезновение последних элементов самодержавия в старом смысле и установление власти модернизированной бюрократии при наличии «призрачного парламента».

Всплеск исследовательского интереса в зарубежной русистике к парламентской проблематике начала XX в. был отмечен на рубеже 1950-х и 1960-х гг. Во-первых, именно тогда для западной историографии наиболее важной исследовательской проблемой становится уже не сама революция 1917 г., а ее причины. Во-вторых, для западных историков «приоткрылись» российские архивы. В-третьих, этот всплеск явился ответной реакцией на

аналогичное оживление интереса к рассматриваемой проблематике у советских историков.

Зарубежных исследователей привлекали в первую очередь сюжеты, связанные с реформой государственного строя Российской империи, социальными основаниями и характером третьеиюньской политической системы, взаимоотношениями императора, правительства и законодательных учреждений, избирательными кампаниями и ролью политических партий в Государственной Думе, составом и деятельностью Государственной Думы и Государственного Совета, реже - с политическими биографиями российских парламентариев.

К «классике жанра» в западной историографии парламентской истории России начала XX в. можно отнести фундаментальную работу Дж. Хоскинга. Для английского русиста история третьеиюньской системы - это история попыток взаимодействия власти с умеренной частью российского общества. Только в рамках третьеиюньской системы, по его мнению, «конституционный эксперимент» мог показать свою «жизненность». Неудачу этого «эксперимента» Дж. Хоскинг связывает с «двусмысленностью» и наличием «лазеек» в правовом основании конституционной системы - Основных государственных законах 1906 г., с «консервативной» ролью Государственного Совета, но в большей степени - с тем, что «общественность» и «власть» не смогли прийти к сотрудничеству по причине отсутствия того, что сегодня принято называть базовым консенсусом.

Заметным событием в западной историографии проблемы стала публикация в 2002 г. книги А. Коррос. В этой работе автор впервые в зарубежной русистике попыталась проанализировать трансформацию Государственного Совета в «работающий законодательный институт». Американская исследовательница опровергает традиционные для ее западных коллег суждения о «монолитности» Государственного Совета, безраздельном доминировании в нем группы правых, подчеркивая при этом, активную роль группы центра в реализации политики П.А. Столыпина. По ее мнению, именно при Столыпине с осени 1907 г. Государственная Дума и Государственный Совет функционировали как «истинные законодательные палаты».

1. Huntington S.P. Political Order in Changing Societies. - New Haven; L., 1968;
2. Rustow D.A. Transitions to Democracy: Toward a Dynamic Model // Comparative Politics. - 1970. - Vol. 2. - .N" 3. - Pp. 337-363;
3. Transitions from Authoritarian Rules: Comparative Perspectives / Eds. by G. O'Donnell, Ph. Schmitter, L. Whitehead. - Baltimore, 1986;
4. Huntington S.P. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. - Norman, 1992;
5. Przeworsky A. Democracy and Market. Political and Economic Reforms in Eastern Europe and Latin America. - Cambridge, 1991;

6. Мельвиль А.Ю. Демократические транзиты (теоретико-методологические и прикладные аспекты). - М., 1999.

Таким образом, современные исследователи подробно изучают событийную канву истории Государственной Думы, думские избирательные кампании, механизмы функционирования и партийный ландшафт обеих законодательных палат, представительство этноконфессиональных и региональных интересов в новой политической системе.

Вместе с тем по-прежнему ждет своего разрешения проблема определения характера политической системы Российской империи в последнее ее десятилетие, по крайней мере, выявления соотношения между авторитарной и демократической составляющими этой системы. В подавляющем большинстве исследований прослеживается «верность» далеко не лучшей историографической традиции — рассматривать Государственную Думу и Государственный Совет независимо друг от друга, а зачастую и просто игнорируя существование верхней палаты. Об этом свидетельствует и распространенность понятия думская монархия, и то, что «родоначальницей» парламентской законодательной деятельности предстает исключительно Дума. «Столетие» российского парламентаризма связывалось именно с началом деятельности Государственной Думы, а о Государственном Совете в «юбилейном» 2006 г. едва ли не забыли. Вне корпоративного единства изучаются и составы законодательных палат. Также практически отсутствуют сравнительные исследования парламентских практик фракций и групп в Государственной Думе и Государственном Совете, моделей их парламентского поведения.

1. Милюков П.Н. История второй русской революции. - М., 2001. С. 23.
2. Маклаков В.А. Вторая Государственная Дума. (Воспоминания современника), 1991.
3. Ольденбург С.С. Царствование Императора Николая II. - М., 1992. Т. II.
4. Пушкарев С.Г. Обзор русской истории. - СПб., 1999.
5. Вебер М. Переход России к псевдоконституционализму // Вебер М. О России: Избранное. - М., 2007.
6. Hosking G. The Russian Constitutional Experiment. Government and Duma 1907-1914. - Cambridge, 1973.

2. Источниковая база для исследования Государственной Думы в России

Источниковая база для исследования этой проблемы достаточно велика. Необходимо проанализировать законодательные акты, определившие место Думы и Государственного совета в системе государственной власти. Здесь стоит упомянуть императорские указы и манифесты той поры, Основные законы 1906 г. определившие новую конфигурацию властных отношений и новый механизм принятия государственных решений и

создавшие правовую основу включения подданных российского монарха в систему политических отношений.

Весьма ценным, хотя зачастую и «приглаженным» источником являются стенографические отчеты сессий Государственной думы, а также опубликованные стенографические отчеты заседаний общих собраний Государственного Совета и Государственной Думы. За исключением редакционной правки, связанной с нарушениями регламента, стенографические отчеты детально воспроизводят все то, что обсуждалось и происходило в зале заседаний общих собраний Государственной Думы и Государственного Совета.

Современному читателю доступны также многие работы юристов – современников событий, документы политических партий и думских фракций, литература мемуарного характера, дневники и переписка государственных и общественных деятелей. Особо следует подчеркнуть то обстоятельство, что, как правило, преобладают мемуары «проигравших» политиков, как правило, написанные в эмиграции, где порой работа над воспоминаниями являлась единственной возможностью продолжения борьбы. Подобные мемуары с неизбежностью превращались в своеобразные аналитические работы (в первую очередь это относится к воспоминаниям В.И. Гурко и В.А. Маклакова).

1. Богданович А. В. Три последних самодержца. Дневник. – М., 1990.
2. Витте С. Ю. Воспоминания: В 3 т. – М., 1960.
3. Глинка Я. В. Одиннадцать лет в Государственной думе. 1906-1917: Дневник и воспоминания. – М., 2001.
4. Извольский А. П. Воспоминания. – М., 1995.
5. Калинычев Ф. И. Государственная дума в России: Сборник документов и материалов. – М., 1957.
6. Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте: Мемуары. – М., 1993.
7. Кизиветтер А. А. На рубеже двух столетий: Воспоминания. 1881-1914. – М., 1996.
8. Коковцов В. Н. Из моего прошлого: Воспоминания. 1903-1919 гг. В 2-х книгах. – М., 1992.
9. Крыжановский С. Е. Заметки русского консерватора // Вопросы истории. – 1997. – № 2–4.
10. [Куманин Л.К.] Донесения Л.К. Куманина из Министерского павильона Государственной думы, декабрь 1911 – февраль 1917 года // Вопросы истории. – 1999. – № 1.
11. Курлов П. Г. Гибель императорской России. – М., 1992.
12. Милюков П. Н. Воспоминания. – М., 1991.
13. [Николай II] Дневники императора Николая II. – М., 1991.
14. Родзянко М. В. Крушение империи. Харьков. – 1990.

15. Российское законодательство X – XX веков: В 9 т. Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. – М., 1994.
16. Русское политическое масонство 1906-1918 годов (Документы из Гуверовского института революции, войны и мира) // История СССР. 1989. – № 6; – 1990. – № 1.
17. Сазонов С. Д. Воспоминания. – М., 1991.
18. Сперанский М. М. Проекты и записки. М.; Л., – 1961.
19. Столыпин П. А. Нам нужна Великая Россия...: Полн. Собр. Речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906-1911 гг. – М., 1991.
20. Убийство Столыпина: Свидетельства и документы. – Рига, 1990.
21. Шульгин В. В. Годы. Дни. 1920 год. – М., 1990.

3. Попытка перехода России к демократии в начале XX века

Датой рождения первого российского парламента стало 27 апреля 1906 г. В этот день начали свою работу Государственная Дума и обновленный Государственный Совет. Введение законодательного представительного учреждения в состав властных институтов составляло ядро реформы государственного порядка, знаменовавшей эволюцию российской монархии в направлении конституционного строя. Появление парламента положило начало процессу превращения многопартийности, выражавшейся в одновременном существовании множества политических партий, в многопартийную систему, в рамках которой политические партии через институт законодательного представительства получили возможность воздействия на принятие государственных решений. Взаимоотношениям власти и общества в России благодаря парламенту впервые был дан шанс приобрести цивилизованные формы. Однако он не был использован, что привело к весьма трагическим последствиям. Проблема неудачи первого парламентского опыта в России является одной из ключевых для понимания политической истории начала XX в.

О парламентской истории этого периода существует много исследований. Тем ни менее, данный спецкурс целесообразен, поскольку нужен пересмотр стереотипов в восприятии политической модернизации Российской империи в последнее десятилетие ее существования. Полученное знание будет способствовать формированию более адекватного представления о реалиях политического процесса той поры.

Представляется, что наибольшим объяснительным потенциалом направленности исторического развития России в XX в. обладает парадигма «модернизации». Это связано с тем, что именно в рамках данного подхода предпринимается попытка найти ту основу, из которой «пророс» алгоритм российской истории XVIII–XX вв. – отставание от Европы, осознание этого отставания в конце XVII в., неоднократные попытки преодоления этого отставания. Начало XX в. вписывается в хронологические рамки фазы

ускоренной модернизации, маркируемые эпохой Великих реформ и Первой мировой войной. Форсированная индустриализация, революция 1905-1907 гг., комплекс столыпинских реформ ускорили разложение структур традиционного общества, превратили Россию в более сложный социальный организм с выраженной индустриальной составляющей. Вместе с тем на данной фазе отчетливо проявились и в России – развитие по типу «догоняющей модели» и «модернизация сверху», что не могло не сказаться на характере собственно политической модернизации.

Для углубленного анализа модернизации политической сферы применяется теория демократического транзита. Под демократическим транзитом понимается совокупность социальных и институциональных изменений, связанных с переходом от авторитарных или тоталитарных режимов к демократическому. Сценарий такого перехода предполагает фазы либерализации недемократического режима и демократизации, при этом последняя фаза включает две стадии: установление демократического правления и консолидацию демократического режима. Следует учитывать, что демократический транзит может привести не к демократии, а от одного типа недемократии к другому. Подобный пример продемонстрировала в начале XX в. Россия, в которой начавшийся переход от авторитаризма к демократии завершился установлением тоталитарного режима.

1. The Transformation of Russian Society: Aspects of Social Change since 1861 / Ed. by C. Black, - Cambridge, Massachusetts, 1960;
2. Black C.E., Jansen M.B., Levin H.S. The Modernization of Japan and Russia: A Comparative Study. - N.-Y., 1975;
3. Красильщиков В.А. Вдогонку за прошедшим веком: Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. - М., 1998;
4. Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. - М., 2006.

Событиями, обрамляющими попытку перехода России к демократии, являются назначение 26 августа 1904 г. министром внутренних дел Д.П. Святополка-Мирского и разгон большевиками Учредительного собрания 6 января 1918 г. Исходя из этого периодизация данного процесса включает две фазы: 1) фазу либерализации - август 1904 г. - сентябрь 1905 г.; 2) фазу прерванной демократизации - октябрь 1905 г. - январь 1918 г.

К базовым причинам начала либерализации относятся усложнение России как объекта управления, неудачный ход русско-японской войны, подъем и возросшая организованность оппозиционного движения. Смягчение политики режима нашло выражение в частичной амнистии, ограничении административных репрессий, ослаблении давления на прессу, попытках установить контакты с представителями умеренной земской оппозиции, принятии императором указа от 12 декабря 1904 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка».

В реализации положений указа, которая пришлась уже на начальный период революции, в плане либерализации и проявления новизны в технологии принятия решений обращают на себя внимание следующие обстоятельства. Во-первых, С.Ю. Витте добился включения в текст упомянутого документа указания на особое место в этом процессе возглавлявшегося им Комитета министров, получив право на всеподданнейшие доклады императору, ранее не принадлежавшее председателю Комитета. Во-вторых, по инициативе С.Ю. Витте Комитет министров свою деятельность по проведению в жизнь положений указа начал с обсуждения самых выигрышных в общественном мнении сюжетов — о законности, страховании рабочих, печати и преобразовании земских и городских учреждений. В-третьих, создавалась целая серия Особых совещаний, в компетенцию каждого из которых входило рассмотрение комплекса мероприятий, вытекавших из отдельных пунктов указа (о законности, печати, новом земском положении, новом городском положении, веротерпимости). Во главе ряда совещаний были поставлены члены Государственного Совета известные своим «либерализмом». В-четвертых, в состав некоторых совещаний наряду с чиновниками были включены и представители общественности. В-пятых, не дожидаясь результатов работы Особых совещаний, Николай II по представлению Комитета министров отменил в первую половину 1905 г. некоторые нормы, ограничивавшие те или иные права различных групп населения. Шагом по пути к гласности и публичности в принятии политических решений явилось решение о публикации журналов Комитета министров в открытой печати.

Возможности либерализации в России были весьма ограничены: с одной стороны, не появилось лидера-реформатора среди правящей элиты (время С.Ю. Витте и П.А. Столыпина пришло несколько позже), с другой - не сложились сколько-нибудь развитые структуры гражданского общества. Отсутствие того и другого заменила собой революция, которая одновременно диктовала стихийный сценарий либерализации режима и демонстрировала недостаточность либерализации как таковой для нормализации политической жизни в стране. Вместе с тем, если самодержавию и удалось укротить революционную стихию, то благодаря не столько грубой силе, сколько тому, что революции снизу была противопоставлена революция сверху как совокупность кардинальных социальных и политических реформ.

4. Начало государственно-правовой модернизации России

Начальной составляющей процесса либерализации стал первый этап реформы государственного строя Российской империи, который может быть датирован указом от 12 декабря 1904 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка». Этот акт был подготовлен министром внутренних дел П.Д. Святополк-Мирским. В нем учитывались как предшествующие законодательные предположения, начиная с проектов М.М. Сперанского, так и собранный В.К. Плеве материал, и либеральные пожелания земского съезда в ноябре 1904 г. В окончательную редакцию

указа не вошел пункт о выборном народном представительстве, имевшийся в проекте Святополк-Мирского.

Фактически потрясения, связанные с первой российской революцией, размыли традиционный государственный уклад неограниченного самодержавия. Не чиновничьи прожекты и не земский бунт на коленях, а страх перед беспределом новой «пугачевщины» вынудил правящие верхи пойти на создание пусть не очень совершенного, но все-таки действующего парламента. Пришлось вернуться к похороненной С.Ю. Витте идее привлечения к законотворчеству выборных от населения лиц. В январе 1905 г. министр земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолов обратился к императору с предложением учредить выборную Земскую думу для предварительного рассмотрения важнейших законопроектов.

Продолжением процесса либерализации стал второй этап реформы государственного строя Российской империи, начало которому было положено 18 февраля 1905 г. (подписание Николаем II рескрипта на имя министра внутренних дел А.Г. Булыгина, в котором говорилось о желании императора привлечь «достойнейших, доверием народа облеченных, избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждении законодательных предположений»). Одновременно был подписан высочайший указ Сенату, обязавший Совет министров рассматривать и обсуждать поступающие на имя царя от частных лиц и учреждений предложения по вопросам, «касающимся усовершенствования государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния». Объявление о намерении создать орган народного представительства вызвало политические брожения, ожидание переворота во всей системе управления.

Завершается второй этап 6 августа 1905 г. (законодательное оформление идеи народного представительства в Манифесте «Об учреждении Государственной Думы», «Учреждении Государственной Думы», «Положении о выборах в Государственную Думу»).

Видную роль в проектировании законосовещательной Думы сыграл чиновник МИД С.Е. Крыжановский. В своих воспоминаниях он пишет, что старался связаться с национальной традицией, избежать по возможности упрека в копировании непригодных для России образцов и взял за основу проект, составленный в свое время (1809 г.) еще М. М. Сперанским. Однако при сравнении опубликованных проектов Сперанского с предложениями Крыжановского сходство между ними просматривается в основном только в названии палаты, которое было довольно популярно в начале XX в.

Стремление найти компромисс с умеренной оппозицией подчеркивалось официально провозглашавшимися мотивами преобразований: совместная работа «правительства и зрелых сил общественных, для осуществления предначертаний наших, ко благу народа направляемых» (18 февраля) и согласование «выборных общественных учреждений с правительственными властями и искоренение разлада между ними, столь пагубно отражающегося на правильном течении государственной жизни» (6 августа).

Особый интерес для характеристики процесса подготовки законов о Государственной думе представляет так называемое Петергофское совещание, проходившее на протяжении пяти дней в июле 1905 г. под председательством Николая II в обстановке строгой секретности. К обсуждению законопроектов помимо пяти великих князей, министров, других высокопоставленных чиновников были привлечены и известные ученые: профессора Н.С. Таганцев и В.О. Ключевский.

Основной проблемой, рассматриваемой совещанием, был вопрос об объеме ограничения самодержавия. Так называемые «зубры», возглавляемые бывшим товарищем министра внутренних дел членом Государственного совета А.С. Стишинским, были вообще против всяких перемен. Предложения консерваторов лишить Думу права запросов, законодательной инициативы по делам о расходовании средств и отменить обязательное назначение новых выборов при ее роспуске были отклонены. Николай II предложил назвать Думу не Государственной, а Государевой, но не встретил поддержки и не стал настаивать. Большинство участников совещания пришло к выводу, что сделать проект еще более умеренным невозможно.

Как отмечает российский историк Р.Ш. Ганелин, «рожденный в муках Булыгинский закон, которым его противники пугали, а сторонники прельщали царя, был безнадежно запоздалым», т. к. требования широких оппозиционных кругов в условиях революции давно и далеко оставили за собой меру уступок, ставшую предметом спора на Петергофском совещании и после него. Но именно проект Булыгина, впервые поставив под сомнение в правовой плоскости самодержавный образ правления, во многом предопределил направление и ход дальнейших реформ».

Получив внешние атрибуты парламента, Дума, конечно же ни в коей мере не ограничивала самодержавия, поскольку она создавалась только как законосовещательное учреждение. От участия в выборах депутатов отстранялись широкие слои населения. Лица, получившие избирательные права, распределялись согласно сословному и имущественному признакам по особым разрядам (куриям), для каждого из которых были установлены определенные нормы представительства. Всего предполагалось создать три курии: землевладельческую, где преобладали дворяне, городскую (для крупных городских собственников) и крестьянскую. Население получало возможность выбирать не самих членов Думы, а лишь выборщиков. Особенно сложной и громоздкой была процедура избрания представителей крестьянства.

Законы от 6 августа 1905 г. на практике никогда не применялись. Булыгинский вариант создания народного представительства был отброшен правительством в условиях Всероссийской политической стачки, парализовавшей всю жизнь страны. В эти критические для верховной власти дни в роли спасителя монархии выступил председатель Комитета министров С.Ю. Витте. Недавний противник выборных органов, в сложившейся ситуации он выступил за проведение в жизнь относительно широкой программы либеральных реформ. В первых числах октября 1905 г., вскоре

после заключения мира с Японией в Портсмуте Витте, будучи назначен председателем Совета министров, предложил Императору Николаю II выбор между двумя путями подавления революционного движения: либо введение жесткой диктатуры, обличенной всеми правами чрезвычайного положения, либо переход путем реформ к конституционному строю.

Вечером 13 октября 1905 г. Витте составил всеподданнейший доклад, в котором в качестве важнейших мер предусматривалось объединение деятельности министров и преобразование Государственного совета. Но в отношении Государственной думы программа, изложенная в докладе, была довольно умеренной: вопрос о предоставлении Думе законодательных прав в ней не ставился.

Видимо, примерно в это время Николай II поручил Витте составление проекта царского манифеста. Витте пытался убедить царя ограничиться утверждением его программы под тем предлогом, что в этом случае ответственность ложилась бы не на монарха, а на автора всеподданнейшего доклада. Однако предложение Витте не получило поддержки императора.

К наиболее значимым шагам начавшейся демократизации можно отнести третий этап реформы государственного строя – от принятия Манифеста 17 октября 1905 г. «Об усовершенствовании государственного порядка» до утверждения императором 23 апреля 1906 г. Основных государственных законов Российской империи, в рамках которого были проведены принципиальные институциональные изменения и заложены правовые основы новой политической системы. Именно на это время пришлось первая в российской истории широкая политическая амнистия. Витте попытался образовать коалиционный состав Совета министров, куда наряду с бюрократами должны были войти и представители умеренной оппозиции. Переговоры велись с 19 по 27 октября и включали встречи Витте даже с лидерами кадетской партии, а также аудиенции Д.Н. Шипова и А.И. Гучкова у императора. К этому следует добавить, что 22 октября специальным Манифестом было предоставлено всеобщее избирательное право населению Великого княжества Финляндского на выборах депутатов финского сейма. Власти практически отказались от использования административного ресурса в ходе первых выборов в Государственную Думу. В мае-июне 1906 г. Д.Ф. Трепов и А.П. Извольский вели переговоры с общественными деятелями о возможности создания коалиционного с кадетами правительства во главе с С.А. Муромцевым. В июле 1906 г. П.А. Столыпин приглашал лидеров октябристов войти в состав правительства.

17 октября 1905 г. царь подписал «Манифест об усовершенствовании государственного порядка». Появление этого документа обусловило проведение ряда преобразований заметно изменивших облик российской государственности. Главной уступкой было обещание законодательной Думы. Правительству предлагалось «установить как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной думы». Обещалось привлечь, по мере возможности, к участию в Думе «те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав».

Одновременно с манифестом царь 17 октября утвердил и всеподданнейший доклад С. Ю. Витте. Это были взаимосвязанные, но в то же время противоречащие друг другу документы. Манифест не предусматривал реформирования Государственного совета, а доклад не содержал упоминания о предоставлении Государственной думе законодательных прав.

Возникла необходимость переработки Учреждения Государственной думы и избирательного закона. Работу по изменению законодательства о Думе С.Ю. Витте организовал уже как председатель реформированного Совета министров. Правительство вынуждено было считаться с тем, что в стране возникали и легализировались многочисленные политические партии, формулирующие в своих программных документах требования и пути политического преобразования существующего строя. Поэтому к участию в обсуждении изменения положения о выборах были привлечены представители либерально-монархической общественности: Д. Н. Шипов, А. И. Гучков, С. А. Муромцев, П. Н. Милюков и другие. Проект общественных деятелей (в Совете министров проходил как проект № 2) основывался на всеобщем избирательном праве и был отвергнут. Проект № 1 (С. Е. Крыжановского) сохранял куриальную систему и имел два варианта, отличавшихся порядком выборов для рабочих.

Проект С. Е. Крыжановского стал главным предметом обсуждения на особом совещании под председательством царя, которое проходило 5, 7 и 11 декабря в Царском Селе. В отличие от Петергофских совещаний теперь царские сановники вынуждены были в большей мере считаться с общественным мнением. Характеризуя свое отношение к будущему закону, Николай II в письме к матери писал: «Ал. Оболенский с некоторыми лицами предлагал всеобщие выборы, т. е. *suffrage universal*, но я вчера это убежденно отклонил. Бог знает, как у этих господ разыгрывается фантазия».

Революционные события в Москве принимали угрожающий характер и заставили царское правительство поспешить с принятием решения. 11 декабря 1905 г. Николай II подписал указ «Об изменении положения о выборах в Государственную думу и изданных в дополнение к нему узаконений». Новый избирательный закон, несомненно, был уступкой революции, хотя и сильно урезанной. Заметным новшеством стало введение четвертой избирательной курии – рабочей.

Наряду с разработкой избирательного закона царские сановники спешно занимались составлением проектов законоположений о статусах Государственной думы и Государственного совета. При этом Госсовет рассматривался как своеобразный противовес Думе, призванный парализовать нежелательные для монарха и высшей бюрократии законодательные думские инициативы. Вопрос обсуждался специальной комиссией во главе с председателем Государственного совета Д.М. Сольским (комиссия работала в ноябре 1905 – январе 1906 г.). Затем подготовленные законопроекты были обсуждены в Совете министров и на втором особом Царскосельском совещании.

20 февраля 1906 г. были изданы манифест и положения о новом Учреждении Государственной думы и переустройстве Государственного совета. В отличие от булыгинского Учреждения Государственной думы новый закон наделял Думу законодательными правами. Эти права формулировались не слишком четко. В одном только вопросе они устанавливались совершенно определенно: Дума не вправе была ставить вопрос об изменении Основных государственных законов. Дума избиралась на 5 лет, но могла быть досрочно распущена решением императора. Характер Государственного совета как верхней палаты юридически подчеркивался тем, что именно его председатель вносил на усмотрение императора принятые обоими органами законопроекты. Половина состава Государственного совета избиралась из представителей промышленно-торговых кругов, духовенства, Академии наук и университетов, дворянских обществ и земских собраний, другая половина его назначалась императором. Председатель верхней палаты также назначался императором из невыбираемой части членов.

К числу наиболее важных прав Думы относился контроль над бюджетом. Однако изданные 8 марта 1906 г. правила о порядке рассмотрения государственной росписи доходов и расходов существенно ограничили это право: Дума не имела права уменьшать или изменять его расходную часть по ведомствам военному и военно-морского флота, императорского двора, на внешние займы, по некоторым статьям, относившимся к министерству внутренних дел и др.

Манифест 17 октября и последовавшие за ним царские указы сделали необходимой подготовку новых Основных государственных законов взамен старых, составленных еще при Николае I. Предварительная работа по их проектированию легла на Государственную канцелярию и Совет министров. Новая редакция Основных законов, по замыслу ее составителей, должна была быть одобрена царем до созыва Думы, чтобы не вовлекать депутатов «в опасные и бесплодные прения о пределах собственных прав и природы отношений их к верховной власти». Утверждение Основных государственных законов непосредственно императором демонстрировало незыблемость монаршей воли для судеб России.

Проект новых Основных законов обсуждался на третьем Царскосельском совещании в апреле 1906 г. Ряд либерально настроенных участников предыдущих особых совещаний приглашен не был. При постатейном обсуждении законопроекта особое внимание было уделено сохранению прерогатив царя. В середине апреля работа была закончена, но царь медлил с подписанием Основных законов, опасаясь негативной реакции на обнародование этого документа. К этому времени закончились выборы большей части депутатов Государственной думы первого созыва. Поскольку на выборах победу одержали кадеты, дворцовый комендант Д.Ф. Трепов предложил передать проект Основных законов их лидерам на апробацию, что и было осуществлено. Частное совещание либеральных деятелей, среди участников которого были П.Н. Милюков, С.А. Муромцев, Ф.А. Головин, М.

М. Ковалевский, внесло в проект ряд поправок, направленных прежде всего на усиление ответственности министров. Затем ряд высших чиновников во главе с министром юстиции М.Г. Акимовым выработали окончательный проект с учетом замечаний либеральных деятелей.

Основные законы Российской империи были утверждены 23 и обнародованы 24 апреля 1906 г., т. е. накануне открытия Думы. Если в прежних Основных законах царь характеризовался как «монарх самодержавный и неограниченный», то в новых – его власть определялась лишь как «самодержавная». В связи с этим, еще во время подготовки и обсуждения на Совете министров Основных Законов возник вопрос о новом определении Верховной власти. В старом тексте стояло: «Императору Всероссийскому принадлежит самодержавная и неограниченная Верховная власть». На совещании 9 апреля 1906 года под председательством Николая II он лично подтвердил, что слово «неограниченная» необходимо исключить и, таким образом, оставшееся в титулатуре слово «самодержавная» утратило свое значение как определение абсолютной власти, сохранив лишь свой изначальный смысл — как власть всеобщая.

Однако, несмотря на это, даже в самой Думе возникнет дискуссия по вопросу определения государственного строя в России. Во время обсуждения текста адреса Николаю II в III Думе 13 ноября 1907 г., ссылаясь на сохранение слова «самодержавная» в титулатуре Государя, лидер крайне правых Марков-второй отрицал наличие конституционного строя в России. Ему возражали кадеты и октябристы, лидер которых А.И. Гучков подчеркивал, что уже Манифест 17 октября «заклучал в себе добровольный акт отречения Монарха от неограниченности». Адрес Государю был принят в этом духе Подавляющим большинством Думы.

Однако власть управления по-прежнему во всей полноте принадлежала императору. Назначаемый им Совет министров, не был ответствен перед Думой и, помимо того, сам по себе не являлся единым органом, облеченным доверием Государя. Каждый министр имел право доклада Монарху не обязательно в согласии и с ведома председателя Совета министров. Столыпину, благодаря личному авторитету, удавалось, как правило, сохранять единство в правительстве, как перед лицом Монарха, так и перед Государственной Думой. Но и ему это давалось с большим трудом и далеко не всегда (напомним, что Бисмарк ушел в отставку, когда молодой Император Вильгельм при вступлении на престол потребовал вернуться к подобной практике, не признающей общей ответственности главы правительства перед Монархом).

Законодательная власть Государственной думы и Государственного совета закреплялась статьей 86. Однако представительное начало, согласно Основных Законов 1906 г., находилось в сочетании с автократическими правами, часто сохраняемыми Монархом. Так, статья 87 позволяла императору в период прекращения заседаний Думы (а их продолжительность и сроки перерывов определялись монархом) издавать «высочайшие указы», имевшие силу законов. Эти указы должны были вноситься в Думу в течение

первых двух месяцев после возобновления занятий Думы и не могли вносить изменений ни в положения о Думе и Государственном совете, ни в законы о выборах в Думу или Государственный совет. В этом сказывался тоже дуализм конституции, на основе которой возникла Думская монархия¹.

Дума имела возможность влиять на исполнительную власть, а иногда и оказывать сильное давление на правительство путем внесения запросов и особенно голосованием по всем бюджетным вопросам, вносимым правительством согласно новым законам. Эти бюджетные права Думы относительно всех ассигнований ставили правительство как бы в подотчетное положение по отношению к ней. Исключением было Министерство Двора, расходы которого определялись и контролировались лично императором.

В исторической и историко-правовой литературе нет единого мнения о значении указанных изменений в государственном строе России. Одни ученые при исследовании Основных законов от 23 апреля 1906 г. акцентируют внимание на несомненных уступках самодержавия, а другие – на его стремлении лжеконституционными формами замаскировать незыблемость основных прерогатив монарха. Однако и те и другие, констатируя существенные изменения государственного строя России, сходятся на том, что Основные законы 1906 г. – акт конституционного значения. Как бы не определяли представительный строй в России при Думской монархии, этот строй уже не был «самодержавным».

В результате проведения реформы в стране был установлен режим конституционной дуалистической монархии, предполагающий сочетание элементов неограниченной и конституционной монархии в условиях незавершенного разделения властей и просуществовавший в России до падения монархии в 1917 г.

При дуалистической монархии законодательная власть принадлежала императору и двухпалатному парламенту, высшая исполнительная — императору и ответственный перед ним министрам, высшая судебная и контрольная — Правительствующему сенату. Это также представляется очевидным при сравнении Основных законов с конституциями других

---

¹ После чисто парламентского строя во Франции в III и IV республиках, в конституцию V республики, принятую подавляющим большинством на референдуме в 1962 году, внесена 16 статья, по смыслу напоминающая 87 статью Основных Законов 1906 г. В самой конституции V республики, французский президент получил те же прерогативы в области внешней политики, определяя ее курс, как и русский монарх. Как русский монарх, так и ныне французский президент V республики, может принимать решения во всех военных и военно-морских вопросах независимо ни от кого, будучи Верховным Главнокомандующим. Нельзя, конечно, сравнивать во всем французскую конституцию 60-х гг. с русской начала века. Избирательные законы как 1906, так и 1907 гг. сохраняли Цензовый характер, подобно многим конституциям европейских стран конца XIX века. Но это были первые шаги нового конституционного строя в условиях введения представительного начала при сохранении исторически-традиционных функций Верховной власти.

государств, особенно Японии, Австрии, а также европейскими конституциями первой половины XIX в. Организация высших органов власти и их полномочия по всем этим законам были похожими.

Основные Законы 1906 г. открывали широкую перспективу для дальнейшего эволюционного развития России. Никакая мирная эволюция невозможна без здорового компромисса, а он стал возможен в условиях Думской монархии. Первая русская конституция создала атмосферу примирения общества с Верховной властью, атмосферу доверия, что открыло двери для сотрудничества в области земельной реформы, социального законодательства, народного образования и обеспечило бурное экономическое развитие, небывалый подъем во всех областях как материальной, так и духовной жизни народа.

Анализируя внутреннюю трансформацию России в начале XX в. нельзя сбрасывать со счетов то обстоятельство, что в новой системе международных отношений и военно-политических блоков Россия оказалась союзницей ведущих европейских демократий - Франции и Великобритании, что, в свою очередь, обязывало российскую политическую элиту действовать с оглядкой на правительства и общественное мнение этих стран.

Высвобождение из-под авторитарного режима в России начала XX в. приобрело вялотекущий характер. Основные Законы были приняты ровно через 25 лет после первомартовского убийства Императора Александра II. Еще при его жизни, в 1878 г., говоря о его реформах, Б.Н. Чичерин писал, что «несомненно и то, что преобразования нынешнего царствования подготовили разрешение конституционного вопроса и поставили его, так сказать, на очередь». Однако случилось так, что ожидание продолжалось четверть века, в результате чего исторический отрезок времени для эволюционного развития сократился до 10 лет. Думской монархии в России не везло. Она запоздала, она лишилась Столыпина, она вступила в свой самый тяжелый кризис во время мировой войны. Но историческое и политическое наследство, оставленное Думской монархией, нельзя игнорировать (как это имело место в условиях упорного замалчивания Основных Законов 1906 г. и даже, по сути дела отрицание их сущности, ибо как иначе понимать тезис, ставший догматом, о том, что в России до самого февраля 1917 г. продержалось самодержавие).

Реформаторам из правящей элиты не удалось также нейтрализовать сторонников твердой линии, а умеренной оппозиции – поставить под контроль радикалов. После революции 1905–1907 гг. политическая система дуалистической монархии по разным причинам уже мало кого устраивала из основных акторов политического действия. Начавшаяся в феврале 1917 г. революция привела к неконтролируемому распаду системы, к ситуации неопределенности. Успешнее других этой ситуацией удалось воспользоваться радикальным силам, которые, прикрываясь демократическими лозунгами, установили в России тоталитарный режим.